О Т З Ы В

на диссертацию Василика Владимира Владимировича «Отражение жизни Церкви и Империи в памятниках византийской гимнографии» на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности «Теория и история культуры» 24.00.01.

Актуальность диссертации Владимира Владимировича Василика «Отражение жизни Церкви и Империи в памятниках византийской гимнографии» определяется необходимостью исследования истоков отечественной культуры. В условиях глобализации неизмеримо возрастает потребность в осознании национальной идентичности. Автор успешно и аргументировано доказывает, что византийские церковно-поэтические тексты являются зеркалом, в котором видны очертания русской цивилизации. Из предметной области византинистики и всеобщей истории диссертант органично переходит к обобщениям культурологического характера. Текстологический анализ произведений византийских церковных поэтов, осуществляемый диссертантом, показывает, что восхваление Абсолюта сочетает в себе имманентное и трансцендентальное, земное и небесное. По словам В.В. Василика, «гимнографические памятники отражают дуализм византийского сознания – стремление соединить Церковь и Империю, триумфальный имперский эсхатологизм и напряженный апокалиптизм». Автор удачно связывает христологический дуализм Халкидонского собора с дуализмом византийского сознания. Аналогичные наблюдения высказывал прот. Георгий Флоровский, но диссертант является первым исследователем, кто переносит этот принцип на византийскую культуру в целом, опираясь на традицию, заложенную С.С. Аверинцевым, используя и развивая его богатое научное наследие. Широкая междисциплинарность также унаследована автором от великого русского ученого и свидетельствует о соответствии работы заявленной специальности. Важное место во Введении занимает историографический обзор, свидетельствующий о глубоком знакомстве В.В. Василика с историей исследовательской проблематики и ее современным состоянием.

Методология автора, сочетающая различные методы и подходы из арсенала гуманитарных наук, выглядит оправданной и корректной. Автор последовательно и системно использует герменевтический метод и в то же время находит для него объективный критерий проверки — «самопризнания» носителей культуры, их само-рефлексия. Выбор из множества герменевтических направлений школы Бетти-Гадамера не случаен, ибо она онтологична. Как справедливо отмечает автор, Гадамер понимает герменевтику как учение о бытии, что, по нашему мнению, близко к византийской философии и ментальности в целом. «Предварительное понимание», заданное традицией, как аксиоматика герменевтического знания, также соответствует духу византинизма с его традиционализмом. Кроме того, как справедливо отмечает автор, традиция способствует

верификации результатов герменевтического процесса и служит гарантом от герменевтического произвола. Использование методик исторической психологии также является сильной стороной работы: на основании ряда источников и, прежде всего, — гимнографических памятников, диссертант всесторонне описывает византийскую ментальность, её доминанты, общественное сознание византийцев — не только их религиозные взгляды, но представления о государстве, праве, социуме и культуре. В.В. Василик творчески использует достижения исторической психологии — работы И.Г. Белявского, В. А. Шкуратова, Е. Ю. Бобровой, А. Д. Барской и находит удачный методологический ход — связь с герменевтикой через понимающую психологию. Автор системно и последовательно использует исторические и филологические методы. Отметим его последовательную исследовательскую позицию: она чужда потребительскому подходу. В.В. Василик не стремится «взять время за горло», чтобы оно отдало свои тайны. Он похож на русского посла в св. Софии эпохи князя Владимира: предпочитает всматриваться, вчитываться, вдумываться, эмпатически соединяясь с текстом. «Сочувствие» (по Дильтею и Гадамеру) становится его принципом. Это очевидное достоинство способно превращаться в недостаток: в утрату дистанции между автором и объектом исследования. Отдельные задачи выражены глаголами «показать» и «осветить». Это значит, что автору уже известен результат и задача состоит лишь в том, чтобы убедить читателя в объективности и справедливости выводов. Кроме того, диссертант формулирует три цели. На наш взгляд, цель должна быть одна. Ее онтологическое свойство состоит в том, чтобы объединять задачи общим устремлением. Более того, цель деятельности всегда устремляется за пределы деятельности. Представленная к защите диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, приложения, библиографии. Многообразие сюжетов позволяет автору удачно очертить облик византийской культуры: они обладают внутренней взаимосвязью и создают целостную картину византийского социума.

Отметим удачное и логичное построение работы. Первая глава посвящена отражению жизни Церкви. В её первом параграфе рассматривается доникейская гимнография. Автор опровергает стереотипы восприятия доникейских церковно-поэтических текстов. Их кажущаяся простота скрывает глубокую внутреннюю сложность, а также иной, непривычный для современного человека способ мышления, сформированный библейским богословием с его образно-символическими ассоциациями и связями. Первый пункт первого параграфа освещает «Песнь Агнца» с её смыслами и значениями. Автор отвергает мрачное восприятие Апокалипсиса и показывает его значение как светлой книги о победе Добра. Пункт «Молитва и мученичество», на наш взгляд, ставит проблему мученичества, способов поведения мученика, что рассматривается, в частности, в работах А.Д. Пантелеева, к сожалению, не учтенных автором. Например, в «Мученичестве Перпетуи», Перпетуя, задетая быком, поправляет одежду и волосы, «ибо не пристало мученице пострадать с

распущенными волосами». Соответственно, могли существовать представления о fas et nefas и, соответственно, кодекс поведения, в который могло входить пение священных текстов перед гонителями. Между тем, диссертант не рассматривает эту проблему. В целом, однако, наблюдения и выводы относительно связи мученичества с крещением и евхаристией и о богословии «Великого славословия», связанного с мученичеством, выглядят обоснованными. Пункт «Апостольская география» ставит проблему ментальной и реальной географии. Автору удается, благодаря анализу ряда гимнографических текстов, извлечь актуальную историко-географическую информацию относительно апостольской проповеди и миссионерства в Византийской империи. Однако В.В.Василик лишь слегка касается проблемы ментальной географии и городов как своеобразных духовных символов. Хотелось бы, чтобы эта проблема была представлена более подробно. Есть еще одно частное замечание: на наш взгляд, введение «Песни о жемчужине» из «Деяний Иуды Фомы» весьма украсило и дополнило бы этот пункт. Между тем, выводы автора выглядят убедительно. Пункт, посвященный гимну Троице, интересен, прежде всего, музыкологическими наблюдениями. Слишком смелой является попытка связать мелодию этого древнейшего нотированного гимна с первым плагальным, или пятым гласом, но, тем не менее, подобная гипотеза имеет право на существование. Для доникейского христианства и культуры Византии предстает важной идея вселенской хвалы присутствующая в гимне, ибо доксология обладала собирающим и умиротворяющим значением для общественного сознания. Идея «космической литургии» является значительной для византийской культуры в целом и культур стран Византийского содружества, в частности. Находкой автора (не без влияния его учителя Д.Е. Афиногенова) являются параллели между гимнами Синесия Киренского и гимном к Троице. Это открытие интересно, прежде всего, с точки зрения взаимодействия античной и христианской культуры: по мнению автора, Синесий знакомился или с гимном, или со сходными текстами. На наш взгляд, автору следовало бы развить подобные наблюдения в культурологическом плане. Тропари Авксентия, рассматриваемые автором, не только являются первыми известными авторскими тропарями, но и этапом в развитии византийской культуры и, прежде всего, в становлении монашеского творчества. Преп. Авксентий преодолевает ригористическую линию египетского монашества, ярко выраженную в словах аввы Памво: «Какое умиление для монаха, когда он возвышает свой голос подобно волу, или ослу». Автору удалось найти и точно описать эту точку бифуркации в отношении монашества к творчеству. В.В. Василик предлагает гипотезу относительно связи с землетрясением 447 г. тропаря «Седящий на Херувимах и небеса отверзший». База доказательств автора выглядит убедительно. На наш взгляд, ему следовало бы акцентировать мотив ангельской хвалы и «отверзения небес», учитывая рассказ о видении отрока, восхищенного на небо. Параграф, посвященный отражению христианского богословия в византийской гимнографии выполнен на высоком уровне. Автору удается выявить такие тонкие смыслы

и сложные догматические концепции, как сюжет об «обновлении природ», (ирмос 9 песни канона Андрея Критского), где речь идет о неконвенциональном использовании термина φύσις, употребляемого в значении «субъект», «ипостась» (с. 143-144). Достойны внимания наблюдения автора над формулировкой μία φύσις σύνθετος (единая составная природа) в каноне Пятидесятницы, которую автор переосмысляет как единую сложную ипостась. С культурологической точки зрения интересны мысли о влиянии несторианства на формирование западной католической ментальности, в частности руссоистской идеи tabula rasa. Пункт относительно отражения темы евхаристии является важным, поскольку в поздней античности и средневековье это таинство в значительной степени формировало ментальность и культуру христианских народов. Высокой оценки достойны наблюдения автора, сделанные по отношению к кондаку на блудного сына Романа Мелода. Параграф, посвященный праздникам, нуждается в более развернутом введении, в котором следовало бы отразить понимание византийцами праздника как таинства. Автору, вероятно, известны слова Григория Богослова: «Пятидесятницу празднуем, и Духа пришествие, и таинство великое, велико же и честно». Через понятие «таинство» (μυστήριον) легче было бы связать разнообразные праздники, что он в целом успешно осуществляет. Отметим, что находкой автора является сионская тема — параллели между проповедью Иоанна Иерусалимского (383 г.) и Словами на Успение преп. Иоанна Дамаскина, а также гимнографическими текстами Успения. Архаические корни богородичных праздников Успения и Благовещения, обнаруженные автором, действительно являются новым словом в науке и продолжением изысканий о. Михаила Ван Эсбрука и других ученых.

Исследования автора в области гимнографии, посвященные святым, также достойны высокой оценки. В частности, всестороннее осмысление опубликованной диссертантом службы Святителю Николаю Мирликийскому. Оно интересно с точки зрения методологической. Автор использует междисциплинарный подход, опираясь на достижения агиологии: в частности, на выделение двух типов жития Святителя Николая, а также — патрологии и всеобщей истории. Автор доказательно атрибутирует тексты службы Иосифу Гимнографу и связывает их со студийской традицией. Учитывая высокое значение образа Святителя Николая для византийской, отечественной и северной русской культуры («От Холмогор до Колы – тридцать три Николы») можно засвидетельствовать личный значительный вклад автора в изучение культуры средневековья. Раздел, посвященный гимнографическим текстам как литургическим источникам, также интересен и содержателен.

Для изучения истории богослужения автор использует литургические тесты, тогда как литургисты традиционно предпочитают обращение к богослужебным уставам, описаниям служб, историческим памятникам и т. д. Это очень оригинальный подход. Суждения диссертанта относительно первоначального места кондака и изначальной принадлежности двупеснца к

соборному богослужению Иерусалима не только доказательны, но и необходимы для истории богослужебной культуры.

Вторая глава посвящена отражению жизни Империи в гимнографических памятниках. В первом параграфе «Империя и император» рассматриваются службы святым императорам – Константину и Никифору. Образ св. равноапостольного Константина является во многом ключевым для понимания Pax Orthodoxa, поскольку он распространялся и на других христианских правителей, в том числе на св. равноапостольного князя Владимира, которому также посвящен соответствующий пункт параграфа. Автор преимущественно опирается на обнаруженную в синайских рукописях и опубликованную им службу св. равноапостольному Константину. Примечательно, что В.В. Василик, говоря о христианском правителе, стремится выделить его духовно-нравственные черты — личное благочестие, человеколюбие, кротость, мужество. Соискатель исследует корни почитания св. равноапостольного Константина и приходит к выводу, что они исходят из палестинской периферии. Это представляет своеобразный культурный парадокс: равноапостольный император, погребенный в Константинополе, не пользовался в нём почитанием вплоть до X века. Для Палестины и для Востока Империи в VII–VIII в. образ императора-избавителя в большей степени актуален, чем для столицы. Традиционно считалось, что образ царя-страстотерпца не типичен для византийского благочестия и византийской культуры. Однако соискатель показывает, что это далеко не так на примере службы св. императору Никифору. Исторические параллели с богослужебными текстами выглядят убедительно. Автор успешно развеял «чёрную легенду», созданную вокруг св. Никифора после смерти, показав его образ как царя, полководца, человека и христианина. Пункт, посвященный кондаку на освящение храма Святой Софии, интересен тем, что в нём показано значение главного храма Империи как центра всемирной проповеди. В.В. Василик остроумно полемизирует с В.М. Лурье относительно вопроса о жертвоприношениях во время освящения Святой Софии. Этот пункт также выполнен на высоком уровне. Второй параграф второй главы посвящен войнам, мятежам и катастрофам. Военная тематика в византийской гимнографии в целом изложена достойно, хотя, на наш взгляд, автору следовало бы более полно использовать службу в честь Аморийских мучеников. Параллели между Акафистом и историческими событиями византийско-персидской войны, в диссертации выглядят убедительно. Анализ кондака «На землетрясение и пожар» опровергает ряд традиционных стереотипов, сложившихся вокруг императора Юстиниана и восстания «Ника»: царь предстает не тираном, не угнетателем, а защитником православного народа, и мятеж выглядит не общенародным делом, а выступлением нехристианских элементов Константинополя. С другой стороны, этот кондак является памятником культуры христианского миротворчества: преп. Роман стремится примирить власть и народ, не возлагая вину на мятеж ни на одну из сторон, но считая её следствием греха, царящего в мире. История восстания и восстановления Константинополя

трактована как история человечества в миниатюре: жизнь в раю, грехопадение (восстание и сожжение храмов), искупление и жизнь будущего века (восстановление храмов св. Софии и Ирины). Для византийской культуры катастрофизм имеет не меньшее значение, чем для культуры западной. Землетрясение, по справедливому замечанию автора, означает изменение времен. Жаль, что автор ограничивается только Романом Сладкопевцем, а не использует службу 26 октября, посвященную землетрясению 740 г. (ср. выражение «трусу празднуем»).

Третья глава посвящена отражению в гимнографии жизни византийского общества и особенностей культуры Византийской империи. Гимнографические тексты правдиво отражают социальную несправедливость и проблемы византийского общества. В них зафиксированы особенности римского и византийского юридического права. Автор находит тонкие правовые реалии в византийских канонах и стихирах: проблемы эмансипации, «оскорбление величия», «вчинения иска» и т. д. Параграф, посвященный культуре, предполагает соположение античных и византийских культурных традиций. Выглядит справедливым мнение автора о том, что «античная и христианская культура противопоставляются как культуры мифа и истины, технологии как средства манипуляции, создания химер, с одной стороны, и, с другой, – искусства как прославления Бога. На место знания рационального и дискурсивного приходит ведение сверхрациональное («превыше ума»), которое носит жизненный, практический и жизнеутверждающий характер» (С. 568). Интересны исследования относительно отражения идеи творчества в византийской гимнографии. Согласно наблюдениям В.В. Василика, оно обладает божественным, триадологическим измерением и связано с подражанием Богу Творцу. Особо значим образ земледельца и земледелия, что актуально для понятия культуры. Автору следовало бы упомянуть, что понятие cultus (лат.), откуда происходит слово «культура» также связано с земледелием. Реконструированная биография Романа Сладкопевца является настоящим открытием: вместо традиционного анахорета предстает активный церковный и государственный деятель, чьему слову внимали тысячи константинопольцев.

Работа не свободна от мелких недостатков в оформлении. Встречаются ошибки в греческой диакритике, описки и стилистические шероховатости. В историческом сочинении, тесно связанном с проблемами культурологии, на наш взгляд, необходима детальная разработка культурологического понятийного аппарата, а именно требует пояснения позиция автора в трактовке понятия «культура». Если культ указывает на смысл человеческой жизни, то культура проецирует эти смыслы во времени и пространстве. В разделе «актуальность» уместно подчеркнуть детерминирующее влияние христианского идеала, унаследованного из Византии, на менталитет русской культуры. В качестве пожелания автору при его дальнейших исследованиях хотелось бы отметить значимость детального сопоставления исторических

фактов, упоминаемых в религиозно-поэтических текстах, с иными историческими источниками и артефактами.

Тем не менее, высказанные замечания не снижают высокого уровня научного уровня диссертации, а также значимости открытий, сделанных автором. В.В. Василик впервые использует сочетание герменевтического подхода с методом библейских тематических ключей. Следует отметить хорошую научную стилистику автора. Особого внимания заслуживает Заключение диссертации, где сформулирован принципиально важный вывод исследования: «при условии надлежащей методологии гимнографические тексты могут являться ценными источниками по истории Византии и сопредельных стран» (С. 554).

Соискателем представлена завершенная, имеющая внутреннее единство и самостоятельно выполненная научно-квалификационная работа, в которой решены важные исследовательские проблемы. По теме диссертации автором подготовлены 2 монографии, 17 статей в изданиях из «Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук», рекомендованные ВАК Министерства образования и науки РФ (из них 5 входят в систему международного цитирования Scopus) и 22 статьи в научных журналах и сборниках, в том числе, на английском языке. Публикации и автореферат соответствуют теме диссертации, отражают её основные идеи и выводы. Научные результаты автора представлены на региональных, российских и международных конференциях 2000–2016 годов. Результаты и положения трудов В.В. Василика, презентуемые публично и введенные в научный оборот, свидетельствуют о личном вкладе автора в историческую науку и в культурологию.

Диссертация полностью соответствует паспорту специальности 24.00.01 – теория и история культуры, содержанием которой является «исследование проблем современного состояния теории и истории культуры на её различных исторических этапах». В соответствии с предъявляемыми требованиями, автор исследует процессы становления и функционирования духовной культуры в Византии, тенденции социокультурого развития и институтов культуры. Диссертация отвечает таким областям исследования по заявленной специальности, как «культура и цивилизация в историческом развитии», «историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов», «механизмы взаимодействия ценностей и норм в культуре». Основные положения диссертации имеют существенное значение для написания новых трудов. Отдельные разделы применимы при подготовке общих и специальных курсов по истории Византии и Древней Руси, по культурологии.

Докторская диссертация Василика Владимира Владимировича «Отражение жизни Церкви и Империи в памятниках византийской гимнографии» полностью соответствует требованиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки

Российской Федерации, в частности, пунктам 9-14 положения «О присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 №842 (с изменениями Постановления Правительства Российской Федерации от 21 апреля 2016 г. № 335). Соискатель достоин присуждения искомой степени доктора исторических наук по специальности 24.00.01 – теория и история культуры.

Официальный оппонент

_____ Матонин В.Н., доктор культурологии, доцент ФГАОУ ВО «Северный (Арктический федеральный университет им. М.В. Ломоносова

«08» июня 2017 года

Матонин Василий Николаевич, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова.

Адрес организации:

163002, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17

Отдел делопроизводства 8(8182)21-61-99, тел. / факс 8 (8182)41-28-35, public@narfu

Личный e-mail matoninv@yandex.ru

Личный телефон +79115683305.